

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток...*

А. С. Пушкин

*Наши классики — это пороховой погреб,
который еще не взорвался.*

О. Э. Мандельштам

*Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.
Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чествуют и как нас жалуют!
Нет у их. И все разрешено.*

Д. Самойлов

*Культурные завоеванья
Рассеиваются, как дым...*

И. Северянин

*Не иди по следам древних,
Но ищи то, что искали они.*

Кобо-Дайси

Рефлексия — это самопроникновение духа.

Новалис

Духовность — это не болезнь.

М. Мамардашвили

Алексей Алексеевич Ухтомский И ПСИХОЛОГИЯ

Жизнь — требование от бытия смысла и красоты.

А. А. Ухтомский

Вчерашний день еще не родился.

О. Мандельштам

Сказать, что А. А. Ухтомский — психолог, или даже сказать, что он больший психолог, чем многие выдающиеся психологи XX века, — значит ничего не сказать и в то же время сказать очень многое. В начале ушедшего века еще раздавались стенания о том, что раньше психология была наукой о душе, а теперь стала наукой об ее отсутствии. На это обращали внимание и историк В. О. Ключевский, и его современники — философы, и психологи. Не без иронии и не без оснований стали говорить о раздражающе избыточном «душесловии», о «душевно-водолействе». Психология, действительно, пожертвовала душой ради научной объективности своей субъективной науки. Выражаясь современным языком, в младенческой душе психологии завелась сциентистская червоточинка, которая выела душу изнутри. Вначале это казалось остроумным методическим приемом: отойти от души, вооружиться объективными средствами исследования, чтобы потом взять ее приступом. Но в соответствии с еще неизвестным психологии того времени правилом произошел «сдвиг мотива на цель». Психологи увлеклись материей, психическими функциями, реакциями, рефлексам, поведением, ориентировкой, позднее — мозгом, нейронами и многими другими не менее интересными и полезными предметами. О душе они вовсе забыли, а если вспоминали, то искали не там, где потеряли.

Потеря души далеко не безобидна. А. А. Ухтомский нарисовал картинку того, что обещается «объективными» методами изучения психологии: «Будет царство немое и глухое, ибо никто никого понимать не будет при уверенности, что каждый для себя все понимает! На вопрос, заданный в лечебнице параноику: хорошо ли ему тут, — он отвечал: “Все переносимо, за исключением разве только оловянных глаз психиатров, которые упрутся в вас с тупою уверен-

ностью, что они все в вас понимают! А сами то ведь ничего не понимают!” <...> Вот и наши ученые Вагнеры готовят будущему человечеству свою “объективную психологию” значительное отупение к междучеловеческим отношениям. Потеряли личность, потеряли собеседника, а значит — потеряли самое главное. Собеседника не построить из тех абстракций, которыми живет филистер!”¹.

Физиолог И. П. Павлов от своей души не отказывался. Он был великодушен и *от души* поздравил Г. И. Челпанова с открытием Психологического института. Он отказался лишь от психологической терминологии при интерпретации физиологических и поведенческих фактов. Нельзя отказать в наличии души и многим психологам, у которых она не только сохранялась как их личная, интимная принадлежность, но и руководила их поведением. Однако в науке душа стала раздражающим, мешающим, субъективным фактором, а потом психологи ее просто вытеснили из сознания и памяти. Разговоры о душе в научном контексте стали восприниматься как свидетельство религиозности. (На это можно, правда, ответить словами А. Блока: свою обедню отслужу.) С такой *научной* психологией мы вошли в XXI век. Выделенное курсивом слово я не взял в кавычки. Психология действительно стала настолько научной, что человеку в ней трудно себя узнать. Проще обратиться к гадалке или к шаману, где все узнаваемо. Психологи, позавидовав гадалкам, сами стали шаманить, камуфлируясь научной терминологией: «онтопсихология», «НЛП», «имиджеология», «имиджейкерство», «харизмейкерство» и т. д., и т. п. Так что научный багаж не остался втуне. Но душа не нашла себя и в этой, с позволения сказать, практической психологии.

И все же в XX веке были исключительные фигуры, которые не только не отказывались от души как от предмета *научного* исследования, но и предлагали свои варианты онтологии души, психики, сознания. А. А. Ухтомский, безусловно, принадлежит к их числу, являясь главной, ключевой фигурой. Он предложил естественнонаучный и, несмотря на это, не редукционистский подход к исследованию души и духа.

Словосочетание «зачинательная личность» я встретил у нашего замечательного поэта Вяч. Иванова. Оно с полным правом может быть отнесено к великому физиологу и мыслителю А. А. Ухтомскому. Пора без всяких скидок признать его полноправным участником плеяды великих физиологов России конца XIX — середины XX сто-

¹ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 171.

летия. А. А. Ухтомский стоит в одном ряду с И. М. Сеченовым, И. П. Павловым, В. М. Бехтеревым, Н. Е. Введенским, Л. А. Орбели, хотя он ни при жизни, ни после кончины не был оценен и понят. Из всех вышеперечисленных он наиболее близко подошел к изучению механизмов душевной жизни. Строго говоря, он никогда не отходил от этой темы, которая составляла лейтмотив его исканий. Дух и душа повлекли его в Троице-Сергиев Посад, из интереса к душевной жизни он написал диссертацию, посвященную теории познания И. Канта, и, будучи кандидатом богословия, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета для того, чтобы понять анатомию и физиологию человеческого Духа, а не только мозга. Утверждая это, я нисколько не умаляю его выдающиеся достижения в области изучения физиологии нервных процессов как таковых. И все же лейтмотивом его исканий было преодоление рубежа «от физиологической теории и методологии к зависимостям психологического опыта»². При этом, переваливая указанный рубеж, входя в новую область, нужно было оставаться физиологом. Именно так А. А. Ухтомский характеризовал научный подвиг И. П. Павлова. Сказанное в значительной мере относится к нему самому.

А. А. Ухтомский абстрактному изложению научных результатов предпочитал более конкретный путь *биологической перспективы*³. Можно добавить: психологической и даже шире — духовной перспективы. В его трудах замечательно сочетаются изначально одухотворенная характеристика жизни и естественнонаучная характеристика духа.

А. А. Ухтомский понимал, что библейская последовательность творения «Дух– Жизнь — Разум» вовсе не гарантия наличия всей триады в каждом человеке. Жизнь автономизируется от духа, утрачивает ценность, обесмысливается; разум автономизируется от жизни, превращается в рассудок. Потом возникают (если возникают) задачи поиска духа, смысла, разума, задачи постройки дома своей души, решение которых не гарантировано. Знакомство с рукописным наследием ученого убеждает, что не только фоном, но и содержанием его жизни, определявшим, в частности, научные искания, были размышления о душе и духе, о жизни и смерти, о сознании и деятельности, о мысли, слове и действии, о личности и истории, о вере и разуме.

² Ухтомский А. А. Великий физиолог. Памяти И. П. Павлова // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 313.

³ Ухтомский А. А. Физиологический покой и лабильность как физиологические факторы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 167.

Прежде чем излагать предложенный А. А. Ухтомским подход к психике, обратимся к личности, сознанию, убеждениям и жизненным принципам, просвечивающим сквозь тексты А. А. Ухтомского — подлинного «мужа науки». Обратим внимание и на его живое слово, живую мысль, живое знание и умное делание, которых так недостает современной науке и образованию. Автопортрет ученого я нашел в замечательных посмертно изданных книгах: «Интуиция совести» и «Заслуженный собеседник», «Доминанта души», с вниманием и любовью составленных, прокомментированных и изданных его последователями и поклонниками. По стилю и содержанию они напоминают самые высокие образцы исповедального жанра, существующие в мировой культуре.

Задачу настоящей статьи я вижу в том, чтобы привлечь внимание психологов к удивительно цельной личности А. А. Ухтомского и к его диалогическому и полифоническому сознанию. В сознании и личности А. А. Ухтомского будут выделены лишь некоторые доминанты. Осмысление его вклада в психологию — дело будущего, хотелось бы надеяться, не столь отдаленного.

Духовность. Духовность есть устремление, неутоленность, беспокойство, напряженность, энергия, направленная на поиск истины: «Люди не столько велики тем, что “перделывают мир”, сколько тем, что открывают новые области истины, в мире до сих пор не известные!»⁴. Духовность — это практическая деятельность, направленная прежде всего на переделку самого себя, на создание духовного мира и собственного духовного организма.

Возможной единицей анализа духовного организма является функциональный орган индивида, под которым А. А. Ухтомский понимал всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. Функциональные органы — это новообразования, которые возникают в активности индивида, взаимодействующего со средой. Понятие «новообразование» затем сыграло ключевую роль в культурно-исторической теории психики и сознания Л. С. Выготского, в физиологии активности Н. А. Бернштейна, в психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева.

Замечательно понятие «духовный возраст», которое в равной степени относится к отдельному человеку и к наукам о нем. Духовный возраст не совпадает с биологическим и с тем, что в психологии называется «психологическим возрастом». Духовный возраст, конечно, менее прозрачен, чем психологический, но зато эта как

⁴ Ухтомский А. А. Заметки на полях книг // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 398.

бы непосредственная интегральная характеристика человека более наглядна и интуитивно убедительна. Хотелось бы, чтобы психология достигла, наконец, возраста, при котором она смогла бы понять и разделить размышления А. А. Ухтомского о душе и духе. Приятно, что разумные психотерапевты, которые, к сожалению, слишком малочисленны, тоже подвигают психологию к этому. Естественно, раз есть духовный возраст, то есть и духовное рождение, и духовная смерть. Рождение, развитие, рост, возраст и смерть относятся к духовному организму в не меньшей степени, чем к телесному. Согласно А. А. Ухтомскому, духовный организм может возникнуть при наличии особой доминанты души. Такой доминантой должно быть внимание к духу: «Это постоянное бодрственное прислушивание к тому, что желается в нашем духе, как он живет, болеет, поднимается и растет. Тут источник тех “сокровищ ведения”, о которых говорили святые отцы»⁵.

«Любовь в качестве руководительницы к познанию и к истине не понятна тем, кто знает лишь критерий самоутверждения и самохранения!»⁶ Любовь — это возрастание в духе: «Песни Петрарки и Данте стали определителями поведения для дальнейшего человечества»⁷. Человек, размотавший душу без осторожности на суете, характеризуется духовным неплодием, крайняя степень которого — духовное блудилище. Ад и духовная смерть присутствуют в обыденной жизни. Не стану спорить с читателем, у которого возникнут отчетливые ассоциации с неким религиозно-духовным трактатом, тем более что А. А. Ухтомский имел духовное образование, и оно, несомненно, оказало влияние на его искания, хотя и не было их единственным медиатором.

Монашеский опыт *проникновения в жизнь духа* А. А. Ухтомский назвал «психологией религиозного опыта». Для понимания всего учения о доминанте, о функциональных органах — новообразованиях очень существенно, что такая психология вполне онтологична. В 1900 году, еще до получения университетского образования, А. А. Ухтомский писал: «Дух будет вполне и а priori силен против всякого давления “мира” тогда, когда религиозный мир откроется ему не как насильное создание представлений и идей, но как явная психологическая действительность, более “действительность”, чем

⁵ Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 93.

⁶ Ухтомский А. А. Заметки на полях книг // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 399.

⁷ Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 83.

какой-либо “материальный мир”⁸. Потом познание этой действительности стало целью его исследований, не только тела, не только мозга, а их вместе с духовным организмом. Как говорил Александр Блок: «...нам опять нужна *вся* душа, все житейское, весь человек. Назад к душе, не только к человеку, но ко “всему человеку” — с духом, с душой и телом, с житейским — трижды так»⁹.

А. А. Ухтомский приводит афоризм Г. Лихтенберга «Человек должен развиваться весь целиком». И человек деятелен весь целиком. В восприятии истины в особенности человек движется и должен двигаться лишь целиком — всей своей природой: и умом, и чувством, и волей. Это означает участие души в развитии, в деятельности, в восприятии истины. Для понимания последней нужна не абстрактная мысль, а что-то внутри — теплое сердце. «“Вечная истина” не в действительном содержании современного “научного” знания, но лишь в его *пределе*, движущем идеале. Вот, что никто не может отрицать»¹⁰. Приобретаемые знания А. А. Ухтомский рассматривал как функциональные органы индивида.

Пути к духу и его развитию могут быть разными. Можно идти к небу от молитвы, от духовного образования, от монашеского опыта, а можно прийти к духу и от неба, от лётной деятельности¹¹. В любом случае — это труд: «Подчас именно среди боления и тяжкого труда находим мы впервые червонное золото, которым живем и питаемся всю последующую жизнь... Простые народы там, где они предоставлены самим себе и живут своею мудростью, хорошо понимают ту правду, что не “счастье”, а суровый труд жизни воспитывает нужного человека и ценную для человечества культуру»¹².

Жизнь. Извлечение предмета научного исследования из жизненного контекста и возвращение в него результатов такого исследования — это задача, которая рано или поздно возникает перед наукой, хотя, конечно, далеко не всегда успешно решается. Препятствием на пути к ее решению служит реальное противоречие между богатством представлений о жизни, множественностью ее образов и односторонней скудостью научных абстракций, почти не имеющих отношения к жизни во всем богатстве ее проявлений. В советской науке

⁸ Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 93.

⁹ Блок А. А. Сочинения. В 8 т. Т.5. М., 1963. С. 149.

¹⁰ Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 67.

¹¹ Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала. М., 1997.

¹² Ухтомский А. А. День ожидаемого огня. Письма к В. А. Платоновой // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 192–193.

многие годы бытовало (а в советской жизни — практиковалось) столь же бесспорное, сколь и бессодержательное определение жизни как способа существования белковых тел. «Наука — это *принципиально* связанное миропонимание, или (как теперь привыкли говорить более конкретно) “жизнепонимание”. Поэтому — *проступок против основного принципа науки*, когда хотят понимать жизнь с ее какой-нибудь одной стороны. Так грешит современная физиология, современная биология, так грешил и грешит материализм всех времен»¹³. Об этом же конкретнее: «Когда физиология трактует о жизни, о характерных признаках жизни как *обмене веществ*, <...> то ее *выводы отсюда* *нисколько не трогают вопроса о жизни — непосредственного сознания и философии*. Жизнь, интересующая непосредственное сознание и философию, — жизнь человека остается здесь вне сферы зрения, мысль попадает мимо нее... Определение жизни, *которое надо черпать из опыта, если мы хотим войти в существо, в положение возбуждаемых ею вопросов*, — определение жизни основывается на *ценности* ее, но *ценности* этого понятия для обозначения действительности»¹⁴.

А. А. Ухтомский не уставал подчеркивать, что предмет физиологического исследования — динамика живого организма в его целом. В 1927 году он дал замечательную характеристику («определение») жизни, которая не замечалась советской наукой: «Жизнь — асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении. Энергический химический агент ставит живое вещество перед дилеммой: если задержаться на накоплении этого вещества, то — смерть, а если тотчас использовать его активно, то — вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь. В конце концов, один и тот же фактор служит последним поводом к смерти для умирающего и поводом к усугублению жизни для того, кто будет жить»¹⁵.

Присмотримся к этой удивительно емкой характеристике. В ней использовано понятие «живое вещество», которое является центральным в концептуальном аппарате В. И. Вернадского. Хотя на этом уровне анализа еще нет, и не может быть речи о субъекте и объекте, живое вещество может существовать лишь при постоянном движении, при устремлении. На языке психолога Д. Н. Узнадзе «первичная установка» эквивалентна понятию первичного устремления, напри-

¹³ Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 83.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Ухтомский А. А. Раздражение и возбуждение с точки зрения эндокринологии и физиологии нервной системы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 235.

мер, к свету, которое использовал П. А. Флоренский. Устремление, установка есть проявление отношения, но отношения особого рода: это еще не отношение к действительности, поскольку еще даже нет субъекта, а отношение в действительности, т. е. действительное, а не потенциально мнимое отношение. Можно согласиться с Д. Н. Узнадзе, что подобные первичные установки не являются еще в прямом смысле слова психическими образованиями, они предшествуют психике. А. А. Ухтомский также не использует понятия «доминанта» для характеристики, даваемой «устремлению», в контексте его размышлений о жизни. Примечательна энергетическая, или энергийная характеристика жизни: устремление, постоянное движение живого вещества, идущее навстречу среде в поиске «энергического химического агента», «вовлечение энергии в круговорот жизни, строительство, синтез, сама жизнь». Энергийная характеристика жизни трансформируется А. А. Ухтомским в энергийный образ духовного организма.

Еще одно ключевое слово в приведенной характеристике жизни — асимметрия. «Несоответствие, несимметричность есть норма? Несимметричность между импульсом и его эффектом есть, пожалуй, “общее место” физиологической деятельности, поскольку она вновь и вновь служит побудителем для последней!»¹⁶. В жизни преобладает дисгармония. Равновесие — лишь момент, условием возникновения которого является постоянное движение. Эти идеи высказаны А. А. Ухтомским задолго до того, как наш знаменитый соотечественник И. Р. Пригожин начал работать над проблемой созидательной роли неравновесных состояний и вытекающей из этого необратимости природных процессов. Сегодня теория необратимых процессов И. Р. Пригожина в значительной мере определяет развитие естествознания. Вклад А. А. Ухтомского в нее до сих пор не оценен.

В трактовке необратимости процессов, принадлежавшей А. А. Ухтомскому, содержится не только отрицательная, но и положительная характеристика, связанная с порождением нового, будь-то состояние, событие или новый орган. Поэтому-то асимметрия, дисгармония, неравновесные состояния приводят не к вожделенному многими поколениями физиологов и психологов равновесию, гомеостазу, единству, гармонии, покою и т. п., а к возникновению все новых и новых состояний, к порождению функциональных органов — новообразований. А. А. Ухтомский настаивал: то, «что мы называем “физиологическим покоем” органов и организма не есть само собой разумеющееся состояние бездеятельности “за отсутствием импульсов”,

¹⁶ Ухтомский А. А. Возбуждение, утомление, торможение // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 130.

но представляет собой активную форму реакции»¹⁷. Поучительна терминология, используемая ученым: «деятельное мгновение», «оперативный покой». «*Возрастающая дееспособность и возрастающая способность к оперативному покою — это две стороны одного же биологического достижения*. Оперативный покой есть готовность к действию, могущая устанавливаться на различные степени высоты. Более высоко организованная способность к оперативному покою вместе и более организованная, срочная готовность к действию»¹⁸. Значит не равновесие, а *относительная физиологическая лабильность*, стремящаяся к компенсации, к равновесию, но никогда не достигающая их. А. А. Ухтомский приводит слова О. И. Романенко, о парабозе, как о *роковым образом необратимом процессе*¹⁹.

В гуманитарной традиции интервалы в активности, паузы также получали содержательные характеристики: «вневременное зияние между двумя моментами времени» (М. М. Бахтин), «зазор длящегося опыта» (М. К. Мамардашвили), «внутреннее действие», «внутреннее движение души» и т. д. Приведу поэтический образ оперативного покоя:

В закрытыя глаз, в покое рук —
Тайник движенья непочатый.

О. Мандельштам

Согласно А. А. Ухтомскому, интервал, конечно, существует во времени, и вместе с тем «интервал» — очень продуктивное, конкретное и богатое понятие. Он больше, чем отрезок времени. За ним скрывается некая внутренняя форма, непосредственно ненаблюдаемая реальность: «Дело идет о всей совокупности событий и изменений, которые успевают совершиться за данный отрезок времени»²⁰. Не является ли мышление таким оперативным покоем?

От этой характеристики, казалось бы, элементарных форм жизни А. А. Ухтомский прочерчивает путь к анализу ее более сложных форм: «*Всякий “закон природы” есть сам по себе постановка жизнеразности* и поэтому требует сам еще противовеса. Отсюда достаточно открывается, что все поле нашего сознания и знания есть

¹⁷ Ухтомский А. А. Очерк физиологии нервной системы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 279.

¹⁸ Ухтомский А. А. Физиологический покой и лабильность как физиологические факторы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 175.

¹⁹ Ухтомский А. А. Физиологическая лабильность и равновесие // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 203.

²⁰ Ухтомский А. А. Возбуждение, утомление, торможение // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 124.

постоянное колебание равновесия, борьба идеалов, — с чисто научной точки зрения вполне равноправных»²¹.

Чтобы еще раз убедиться в емкости характеристики жизни, предложенной А. А. Ухтомским, можно заменить в ней химическое вещество на информацию или — лучше — на знания, опыт, а живое вещество — на живое существо. Тогда мы получим характеристику жизни как асимметрию, с постоянным колебанием на острие меча между познанием и действием, сознанием и деятельностью, опытом и его использованием и т. д. На этом же острие меча странным сюрреалистическим образом пока еще балансируют два других — меч железный и меч духовный. Опыт показывает, что выковать последний значительно труднее... Примечательно, что даваемая А. А. Ухтомским характеристика мысли подобна приведенной выше характеристике жизни: «Мысль или ускоряет наступление того опыта (той реальности), о которой говорит, или научает избегать его, может быть, даже предотвращает его наступление.

Последняя проверка мысли продолжает оставаться в том, к гибели или к торжеству приводит она своего носителя»²².

Включение в характеристику жизни не только энергии, движения, но и устремления, т. е., казалось бы, субъективного обстоятельства, для А. А. Ухтомского отнюдь не случайно. Он неоднократно подчеркивал, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное: «субъективное и объективное идут об руку и соотносительно, непосредственно переходя одно в другое»²³. Наличие у субъективного, в том числе и у жизни души, собственной онтологии до сих пор с трудом принимается большинством психологов, представляющих себе (и — что хуже — другим) психологию как науку об отсутствии, а не о присутствии души и духа.

Онтология душевной жизни. В чем же состоит реальность душевной жизни, какова ее онтология? Каковы значение и смысл сделанного А. А. Ухтомским для психологии? Ему, действительно, удалось реализовать свой дерзкий замысел приоткрыть пути познания анатомии и физиологии человеческого духа (ср. Н. В. Гоголь: «душевный анатомик»). Ему принадлежит естественнонаучная интерпретация понятия «духовный организм», которое, конечно, и до него было широко распространено в теологии, философии, искусстве, в науках о человеке.

²¹ Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 78.

²² Ухтомский А. А. Из Записных книжек. 1820–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 138.

²³ Ухтомский А. А. Великий физиолог. Памяти И. П. Павлова // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 311.

Самое удивительное, что он реализовал свой замысел, став физиологом, т. е. на основании изучения вполне телесных процессов. Если попытаться кратко сформулировать итоги его исследований и размышлений, то он наметил пути понимания «одухотворенного тела» и «овнешненного, объективированного духа». Вслед за И. М. Сеченовым, А. А. Ухтомский говорит о «предметном мышлении», вслед за Ч. Шеррингтоном — о «предметных рецепторах», намечающих для поведения организма предмет в среде с тем, чтобы организм реагировал на него задолго до контактного соприкосновения с ним²⁴.

В его исследованиях показано (и предсказано), что активность живых существ представляет собой не только зависимую от тех или иных механизмов и обстоятельств, но и задающую переменную. Активность порождает, формирует, оттачивает механизмы своего собственного осуществления, своих собственных органов-новообразований (ср. О. Мандельштам: «Я и садовник, Я же и цветок»). Эти органы-новообразования, например доминанты, становятся между нами и реальностью. Такое возможно только потому, что они сами реальность, хотя совершенно особого рода. Реальность, называемая психикой, которую его современник А. Н. Серверцев признал фактором эволюции.

Поскольку индивид простирает свою активность в мир, то ее механизмы, как и механизмы нашего тела — это не механизмы первичной конструкции, — писал А. А. Ухтомский. Они не могут быть *только* интрацеребральными, интрателесными, интраиндивидуальными. Человек деятельно идет навстречу среде, «борется за внешние связи со средой» (Ф. Д. Горбов), поэтому механизмы его активности столь же интраиндивидуальны, сколь и экстраиндивидуальны. Они и внутри, и вне организма. Это, конечно, можно понимать в том смысле, что активность живого существа определяется внешними обстоятельствами и внутренними условиями ее осуществления. Для реакции, для рефлекса, для инстинкта это справедливо. Можно даже сказать, что внешние обстоятельства действуют не прямо, а *через* внутренние условия. Эта позиция С. Л. Рубинштейна уводит от прямолинейной и примитивной трактовки активности и поведения как зависимых от внешних факторов. Она существенно расширяет число видов и форм активности, которые могут более или менее удовлетворительно объяснены на ее основе. Однако следует сделать следующий шаг и признать наличие относительно автономных форм активности индивида, который способен преодолеть как внешние обстоятельства, так и внутренние

²⁴ Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 81.

условия и механизмы, т. е. выйти за пределы ограничений накладываемых теми и другими, выйти за пределы самого себя. Для этого нужно набраться духа (или окаянства), которого нет в рефлексах и инстинктах. Ф. Ницше, с явным пренебрежением относившийся к душе, произнес вполне двусмысленную фразу: «Созидающее тело создало себе дух, как дань своей воле». Он, правда, не сказал, как? Подобные формы созидательной активности в философии, психологии и, вообще, в культуре получали различные наименования: «акт», «акция», «поиск», «деяние», «действие», «свободное поведение», «полнезависимое поведение», «надситуативная активность», «свободное действие», «поступок» и т. п. П. А. Флоренский даже заметил, что человек — это не факт, а акт. Последний предполагает свободу воли. Свободное действие, разумеется, так же, как и реактивное, должно осуществляться посредством тех или иных механизмов, но это уже не только механизмы нервной деятельности, пусть даже и высшей, а механизмы психической, в том числе и сознательной деятельности.

А. А. Ухтомский воздержался от соблазнительного (то ли простотой, то ли нелепостью) отождествления (редукции) нервной активности и психической деятельности. Ему, как физиологу, претило обращение к морфологическим объяснениям, ибо в этом случае физиолог «уходит со своей родной функционально-количественной почвы и морфологический аргумент является для него своего рода *deus ex machine*»²⁵. Он выдвинул идею функционального органа нервной системы или функционального органа индивида и дал строгое определение понятия подвижного, интегрально целого функционального органа: «С именем “органа” мы привыкли связывать представление о морфологически сложившемся, статически постоянном образовании. Это совершенно не обязательно. Органом может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение»²⁶.

А. А. Ухтомский называл функциональный орган динамическим, подвижным деятелем, рабочим сочетанием сил. К числу подвижных функциональных органов он относил интегральный образ, воспоминание, доминанту, парабиоз, желание и т. п., подчеркивая, что это новообразование, возникающее в активности индивида, взаимодействующего со средой. Их изучение облегчается тем, что функциональные органы проявляют себя в том или ином симптомокомплексе. Обращу

²⁵ Ухтомский А. А. О состоянии возбуждения в доминанте // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 61.

²⁶ Ухтомский А. А. Парабиоз и доминанта // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 95.

внимание читателя на этот вполне почтенный в физиологии и медицине, но не вполне привычный в психологическом контексте термин.

Функциональный орган, согласно А. А. Ухтомскому, — это не морфологическое, а энергичное образование («сочетание сил», «вихревое движение» Декарта). Его определение соответствует энергичной характеристике жизни, которая приводилась выше. Сказанное не означает, что А. А. Ухтомский вовсе пренебрегал морфологией. Он намного опередил идеи Д. О. Хебба (1949) о роли клеточных ансамблей в организации поведения. В 1934 году А. А. Ухтомский писал, что рабочий ансамбль возбуждения на своем месте «есть множество, охваченное одними и теми же законами во всех частях; множество и вместе с тем целое»²⁷. Ансамбль работы, или констелляция нервных центров, отвечает понятию интервала во времени и пространстве, о котором речь шла выше.

А. А. Ухтомский называл функциональные органы *виртуальными механизмами*. Приведу наглядный пример несовпадения морфологического и функционального органа. Известно, что ось зрения может не совпадать с осью внимания. В исследовании зрительного восприятия изображения, стабилизированного относительно сетчатки, был обнаружен механизм функциональной фовеа, которая перемещалась по зрительному полю, превышающему по своим размерам 40 угловых градусов. Он индуцируется малоамплитудными викарными движениями глаз и обеспечивает полноценное формирование образа, хотя изображение остается неподвижным относительно сетчатки. Эффект исчезновения стабилизированного образа преодолевался за счет цветовой модуляции его освещения. В этом же исследовании была обнаружена динамика функциональных отношений между центром и периферией, наблюдаемых в поле зрения. Даже если поле зрения ограничено одним-двумя угловыми градусами, в нем отчетливо наблюдаются центр и периферия²⁸.

Итак, функциональный орган есть сочетание или сплетение духовных, душевных и телесных сил. Подобное сплетение даром не дается:

Так век за веком — скоро ль, господа? —
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Н. Гумилев

²⁷ Ухтомский А. А. Возбуждение, утомление, торможение // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 127.

²⁸ Зинченко В. П., Вергулес Н. Ю. Формирование зрительного образа. М., 1969.

И он же о власти духа:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

М. К. Мамардашвили часто ссылался на Уильяма Блейка, говорившего о новых и более многочисленных органах чувств, о расширенных чувствованиях. По словам Блейка, они уходят в тот же момент, когда приходят. На языке А. А. Ухтомского, — это и означает виртуальное существование функциональных органов, актуализирующихся лишь по мере надобности (как ложноножка у амебы).

Явно под влиянием А. А. Ухтомского Н. А. Бернштейн, хотя и без должной ссылки на него, назвал живое движение функциональным органом, который реактивен, эволюционирует и инволюционирует. А. А. Ухтомский оказался щедрее. Он еще в 1927 году одобрительно отозвался о первых исследованиях Н. А. Бернштейна и характеризовал развитые им методы анализа движений как «микроскопию хронотопа». Это «микроскопия не неподвижных архитектур в пространстве, но микроскопия движения в текуче-изменяющейся архитектуре при ее деятельности. И здесь будет новый переворот в естествознании, последствий которого переоценить мы пока не можем»²⁹. Изобретение Н. А. Бернштейна А. А. Ухтомский поставил в один ряд с изобретением Левенгука и Мальпиги. Слова А. А. Ухтомского оказались пророческими: сегодня на микроскопии хронотопа основана вся когнитивная психология и психология действия.

Время в исследованиях А. А. Ухтомского выступало как «действующее лицо». Не просто время, а система времен. Его интересовали не столько константы возникновения возбуждения (хронаксии), сколько законы нормального изменения лабильности субстрата: «именно изменение состояния в тканевых элементах является всегдашним и нормальным средством перехода одного и того же множественного и разноинтервального субстрата к гармоническому и слаженному единству действия»³⁰. Другими словами, гетерохрония — условие возможной гармонии. «Увязка во времени, в скоростях, в ритмах действия, а значит и в сроках выполнения отдельных моментов, впервые образует из пространственно раздельных ганглиозных групп функ-

ционально определенный “центр”. Тут вспоминается известное напоминание Германа Минковского, что пространство в отдельности, как и время в отдельности являются лишь “тенью реальности”, тогда как реальные события протекают безраздельно в пространстве и времени, в хронотопе»³¹. Хронотоп также может быть рассмотрен как функциональный орган индивида, обеспечивающий не только актуальное восприятие и действие, но и предвкушение и проектирование: «Если мы вспомним, что у более сильных из нас глубина хронотопа может быть чрезвычайно обширной, районы проектирования во времени чрезвычайно длинными, то вы поймете, как велики могут быть именно у большого человека ошибки»³².

Хронотоп сознательной и бессознательной жизни соединяет в себе все три цвета времени: прошлое, настоящее, будущее, разворачивающиеся в реальном или виртуальном пространстве. Как говорил М. М. Бахтин, заимствовавший понятие хронотопа у А. А. Ухтомского, приметы времени раскрываются в пространстве и пространство осмысливается, измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет и характеризуется хронотоп, представляющий элементарную (она же сложнейшая для изучения) и виртуальную единицу вечности и бесконечности. Как следует из изложенного, принцип хронотопической организации достаточно универсален. А. А. Ухтомский обнаружил его на уровне организации нервных процессов, экстраполировал его на поведенческий и психологический уровни. Затем, благодаря М. М. Бахтину, понятие хронотопа вошло в концептуальный аппарат современного искусствоведения и литературы и постепенно входит в психологию. Примером может быть гетерохрония различных уровней, участвующих в организации человеческой памяти: сенсорный регистр, иконическая память, кратковременная, оперативная, автобиографическая память имеют разные постоянные времени хранения и обработки материала, которые колеблются от десятков миллисекунд (сенсорный регистр) до десятков лет (автобиографическая память). Сейчас все эти виды памяти изучаются изолированно один от другого. Не только перед физиологией, но и перед психологией все еще стоит сформулированная А. А. Ухтомским задача одновременного, *параллельного наблюдения* многих разновидностей «параметров времени». Без этого человеческая память, как и другие психологические феномены, будут производить впечатление чуда.

³¹ Ухтомский А. А. Очерк физиологии нервной системы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 269.

³² Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 88.

²⁹ Ухтомский А. А. К пятнадцатилетию советской физиологии (1917–1932) // Ухтомский А. А. Собрание сочинений. Т. 5. Л., 1954. С. 75.

³⁰ Там же. С. 75.

Идея функциональных органов прочно вошла в психологию (к сожалению, по распространенной у нас советской привычке часто без должных ссылок на А. А. Ухтомского). Эти органы-новообразования называют функциональными системами, артефактами, амплификаторами — усилителями способностей и возможностей индивида, машинами рождения, формами превращенными (и извращенными) и т. д. Функциональные органы, обладающие биодинамической, чувственной и эмоциональной тканью, уже рассматриваются как материал (материя), из которого можно конструировать духовный организм. Они, действительно, могут рассматриваться как единицы анализа анатомии и физиологии духа. Если, в полном соответствии с определением функциональных органов, данным А. А. Ухтомским, добавить их энергичную природу, то мы получим энергичную проекцию человека, которая, на мой взгляд, не менее интересна, чем «мозговой человек» В. Пенфилда. Это проекция в мир и проекция на самого человека, своего рода автопроекция. Действие творящее и действие творимое. Слово творящее и слово творимое. Другими словами, функциональный орган двулик.

Понятие «орган» применительно к психическим явлениям (образ, галлюцинация, воспоминание) и состояниям (утомление, рабочая поза, внимание, иерархия доминант, вплоть до «доминанты юности» у талантливого человека или «доминанты на лицо другого») свидетельствует об их объективности. Пожалуй, наиболее детально к настоящему времени изучена функциональная структура, микроструктура и микродинамика живого движения и предметного действия, понимаемых как функциональные органы, т. е. в полном соответствии с традицией А. А. Ухтомского, Н. А. Бернштейна и А. В. Запорожца. Обнаруженная в исследованиях система разнообразных связей внутри функционального органа и между органами представляет собой как бы кровеносную систему, которая может склеротизироваться, закупориваться, вызывать ступор, шок. В исследованиях живого движения и предметного действия становится достижимой задача параллельного наблюдения разновидностей «параметров времени», благодаря чему удается не только выделять волны и кванты живого движения, но и обнаруживать их различные функциональные роли в организации целого действия³³.

Следует сказать, что объективность функциональных органов — это объективность особого рода. Дело даже не в том, что имеются взаимопереходы объективного в субъективное и субъективного в

объективное, а в том, что функциональные органы существуют как в актуальной, так и в виртуальной форме. А. А. Ухтомский утверждает, что «принцип общего пути есть не что иное, как *принцип виртуальных механизмов*, последовательно осуществляемых в группе исполнительных путей и органов афферентными импульсами, причем для каждого отдельного полносвязность очередного механизма достигается не иначе, как срочным торможением всех прочих, на месте возможных механизмов»³⁴. В отличие от технического механизма в живом организме на одних и тех же конструкциях может быть осуществлено последовательно столько переменных механизмов, сколько есть налицо степеней свободы. Аналогичен ход рассуждений Н. А. Бернштейна: построение движения есть преодоление избыточных степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Поэтому-то человек не двурукое, а тысячерукое существо, обладающее огромным числом последовательно актуализируемых функциональных разновидностей действия, выработанных в онтогенезе и в функциональном генезе. Вот эти-то виртуальные предметные механизмы, сформированные в ходе развития способности, и есть онтология психического. И дело вовсе не в том, субъективна ли психика, а в том, что она предметна и субъектна в смысле принадлежности индивиду. Она, конечно же, субъективна, но лишь в смысле ее неповторимости, уникальности у каждого ее носителя.

Сегодня разговоры о виртуальной реальности вошли в моду, а сама она все более властно вторгается в жизнь, не дожидаясь, пока ученые поймут и объяснят, что она собой представляет. Такая ситуация не уникальна: «И в научном методе и в житейской практике люди сначала научаются ходить, а лишь много времени спустя отдают отчет, как им это удалось»³⁵. Тем более уместно напомнить размышления А. А. Ухтомского о *виртуальных механизмах*, высказанные 60 лет тому назад. Термин механизм предполагает не только их объективность, но также их объективируемость. Психологи назвали бы это экстериоризацией, а философы — экстраекцией. Виртуальные механизмы не только проецируются, как образ, в мир. Они вторгаются, инкорпорируются в него, воплощаются в нем. Это, конечно, благо, но еще большее благо, что это происходит, если происходит, не одновременно, а последовательно. (Достаточно себе представить, что любая мысль, пришедшая здесь и теперь в голову, немедленно реализуется... Хаос

³⁴ Ухтомский А. А. Очерк физиологии нервной системы // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 284.

³⁵ Ухтомский А. А. Параметр физиологической лабильности и нелинейная теория колебаний // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 189.

³³ См.: Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

неизбежен.) Это подобно «нейрональной воронке» Ч. Шеррингтона. К тому же вторжение виртуальных механизмов в жизнь происходит под контролем, хотя и слабым, рефлексии, сознания, аффектов, а иногда и совести. Если предположить невозможное: вдруг воплотились все существующие виртуальные механизмы — на Земле не осталось бы живого места, которого и без того не так уж много; реки бы потекли вспять... В. В. Набоков в эссе о Н. В. Гоголе заметил, что жизнь подлю подражает художественному вымыслу. Подражает она и вымыслу научному. Так что виртуальная реальность, вкупе со своими механизмами, оказывается реальнее реальности *per se*, оставаясь при этом субъективной и субъективной, пристрастной. Не буду драматизировать ситуацию. Это особый сюжет, который М. М. Бахтин обозначал как сознание вины и ответственности в их единстве, а А. А. Ухтомский как интуицию совести. Сказанное о виртуальных механизмах относится не только к отдельным функциональным органам, будь то предметное действие, внимание, память, мышление, аффект и т. п., но и к духовному организму в целом. Последний представляет собой виртуальную реальность, ненаблюдаемую онтологию, о которой мы можем судить лишь по ее отдельным проявлениям. Она никогда не дана нам целиком. Например, поступок манифестирует личность во всей ее асимметричной, недосказанной сложности и неожиданной цельности. В этом трудность и прелесть изучения человека, внешность которого обманчива, а внутреннее — таинственно, хотя оно дано нам, если дано, только во внешнем. Прав парадоксалист О. Уайльд: «Только поверхностный человек не судит по внешности». И все же, если бы внешнее и внутреннее совпадали, не было бы науки о человеке, не было бы и его самого.

Интуиция совести. А. А. Ухтомский настойчиво рассеивает заблуждение, которым живет современный человек. Оно заключается в фантоме, в ошибочном представлении о том, что истина, правда, нам доступная, есть искомый продукт (плод) нашего абстрактного ума. От такого ума, лишённого жизни, сердца, чувства, нравственности, один шаг до безумия, с которым давно граничит, например, технократическое мышление. Знать Истину — значит знать закон существующего, закон действительности. Далее следует примечательное пояснение: Истина есть вместе с тем и дело, человеческое действие, созвучное Природе и закону Бытия. В этом качестве она мыслится как этическое действие³⁶. Этическое действие А. А. Ухтомский связывал с интуицией совести, которой он сам обладал в полной мере.

³⁶ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1920–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 124.

Сначала об интуиции. Он считал ее дологическим аппаратом, который принципиальнее, первоосновнее, возник раньше, чем буква. Под интуитивным аппаратом он понимал наблюдательность, чуткость, проницательность и включал в него совесть. Вместе с тем последнюю он рассматривал и как относительно автономный аппарат, включающий в себя интуицию. Возможно, отсюда это замечательное понятие «*интуиция совести*». Совесть — это главнейший физиологический (?) орган, конкретнейший аппарат познания-предвидения, аппарат цельного знания, который руководит нами обыденно — и в мелочах, и в крупном. А. А. Ухтомский не обольщался относительно совести и предупреждал, что «совесть, как и всякий другой показатель и отметчик реальности, с ее законами может быть более или менее надежным слугою, более или менее субъективной или объективной, более или менее здоровой или заболевшей! Она ведь может быть совершенно спокойной, удовлетворенной и ни о каких бедах не предупреждающей, в то время как человек или целое общество давно охвачены преступлением! Это тогда, когда преступление стало привычным!»³⁷. Удивительно узнаваемо! Видимо, для нас и про нас написано!

И все же совесть — орган, наиболее дальновидный «рецептор на расстоянии», наиболее глубокий зритель будущего. Его «надо бы назвать совесть (“со=весь”)». Таинственный, судящий голос внутри нас, собирающий в себе все источники и порядки ведения, все унаследованные впечатления от жизни рода, и предупреждающий особыми волнениями и эмоциями высшего порядка о должных последствиях того, что сейчас делается перед нами»³⁸. Эта запись, помеченная 1914 годом, отчетливая артикуляция того, что впоследствии А. А. Ухтомский назовет функциональным органом индивида. Весьма показательно, что он начал развивать свою теорию со сложнейшего, как бы сверху — с психологии религиозного опыта, с совести. И тогда же он дал свое объяснение этому. Возражая против того, что эстетика и этика — «прикладные отрасли знания», А. А. Ухтомский пишет: «Эстетика и этика — дисциплины практические и одновременно руководящие именно потому, что практические. Они дают впервые реальный импульс самым теоретическим исканиям науки!»³⁹ В истории науки это не такой уж редкий случай. В. фон Гумбольдт начал с анализа внешней и внутренней формы художественных произведений И.-В. Гёте, а потом пришел

³⁷ Ухтомский А. А. Заметки на полях // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 455.

³⁸ Там же. С. 458.

³⁹ Там же. С. 458.

к идеям внутренней формы языка. Л. С. Выготский тоже шел в своих исканиях от психологии искусства. А мы до сих пор убеждены в том, что для подготовки психологов анатомия и математика важнее эстетики и психологии искусства.

Вернемся к интуиции совести. Что она предвидит и какова цена ее ошибок? Соответствие истины, понимаемой как этическое действие, законам действительности «достигается прозорливостью, интуицией, художественно-философским прозрением в совершающийся порядок вещей. *В попытке определить те законы, через которые интуиция совести проникает в подлинный смысл вещей, в их правильную оценку, так что закон бытия становится законом возмездия, и заключается дело этики как науки*»⁴⁰.

Таким образом, А. А. Ухтомский связал этику с интуицией совести, а за последней признал права на проектирование действительности. Интуиция совести, или *душевный интеграл* в подсознательной жизнедеятельности человека, позволяет предвидеть ситуации, когда нарушение законов бытия, вносимое проектами действительности, превращает эти законы в законы возмездия. К сожалению, чем дальше *прогрессирует* (а не *развивается*) человечество, тем легче искать примеры возмездия за нарушение законов бытия. Пожалуй, с автором можно поспорить лишь по одному пункту. Я бы в этом контексте предпочел использовать термины «досознательное», «дологическое», которыми он, впрочем, широко пользовался, а не «подсознательное». Интуиция, в том числе и интуиция совести, может быть и постсознательной, постлогической, хотя по своим высшим проявлениям она кажется, как и поступок, вполне непосредственной.

Требования к уму. Весьма поучительна характеристика ума, данная А. А. Ухтомским: «Ум в нас есть высшее и единственное зрение истины, вещей и бытия. Но бывает, что он последним замечает то, что очевидно для самого примитивного наблюдения; и это последний признак падения жизни, в которой поколебался ум»⁴¹. С этой характеристикой связано его понимание абстрактного и конкретного: «...если самая конкретнейшая “вещь” в своей отдельности от среды есть уже плод нашей абстракции, то и обратно, самое отвлеченнейшее из понятий фабрикуется не за чем другим, как за выяснением того, в чем же подлинное, настоящее бытие, что в самом деле есть!»⁴². Это очень близко к тому, что Г. Г. Шпет называл не-

⁴⁰ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1920–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² Там же. С. 126.

уничтожимым «корнем» конкретности в абстрактном. Вообще, по отношению к абстрактному у А. А. Ухтомского наблюдается даже нескрываемая неприязнь: «Вся живая действительность застлана плотную сетью абстракций досуже-кабинетного происхождения, так что уже ничто в природе не видно открытым сердцем, открытым взором, непосредственным восприятием... Куда бы спастись от этих абстракций, от искаженной ими природы — где бы найти те пустыни, омуты, дебри, где бы не успел еще устроить себе абстрактный человек курорта?»⁴³ А. А. Ухтомский противопоставляет *живую истину мертвой абстракции*.

Образцом мышления для него служит искусство: «Художественная работа как работа исследовательская. Так и смотрел на свое художественное дело Ф. М. Достоевский. Это продолжение научной работы, т. е. исследование законов бытия в области человеческого духа»⁴⁴. Искусство имеет преимущество перед наукой, ибо оно сохраняет жизнь живой. Вот что он пишет о Л. Н. Толстом: «Плавная уступчивость, непрерывность переходов, связность и в то же время богатое разнообразие переживаний при сцепленности и единстве целого: вот когда способность к общности мысли, к обобщению оказывается в то же время свободною от абстрактности! Вот где корень для этого фокуса, когда мысль и ее предмет могут быть весьма общими и наиболее конкретными, свободными от умерщвляющей абстракции с подменами действительности “успокоительными формулками”!»⁴⁵

Наличие «корня» конкретности в абстрактном есть залог и гарантия предметности и ответственности мышления. Эти качества мышления чрезвычайно важны, поскольку, согласно А. А. Ухтомскому, мысль человека есть действие его; мысль есть проект реальности; человек есть деятельный участник своих мыслей. Невольно напрашивается аналогия с М. М. Бахтиным: мысль есть поступление; по М. М. Бахтину поступающее мышление есть единая «ткань моего эмоционально-волевого, действенно-живого мышления — переживания»⁴⁶.

Видимо, под влиянием Р. Декарта А. А. Ухтомский характеризовал сложные человеческие поступки как образы действия, называемые страстями. Страсть, эмотивные реакции, влечения и волне-

⁴³ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 227–228.

⁴⁴ Ухтомский А. А. Из писем Н. Н. Малышеву // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 470.

⁴⁵ Ухтомский А. А. Заметки на полях // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 453.

⁴⁶ Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994. С. 36.

ния, переживаемые и пережитые доминанты, согласно А. А. Ухтомскому, представляют собой неотъемлемое свойство научного творчества, тогда как «противопоставленные мысли, инстинкты, страсти — это стихия слепая и в то же время принудительная как “закон природы”, действующий явочно и с собственным смыслом, как всякий другой натуральный механизм, который мы изучаем в физике и технике»⁴⁷. Овладение такой стихией, в терминах Л. С. Выготского, есть достижение единства аффекта и интеллекта. Примечательна с этой точки зрения оценка А. А. Ухтомским великого И. П. Павлова: подлинный «муж желаний». Акцент все же на страсти, на живой энергии, на духе, а не на интеллекте.

Доминанта на лицо другого. Важная черта личности самого А. А. Ухтомского — доминанта на лицо другого человека и убеждение в том, что пока не сформируешь у себя такой доминанты, о тебе самом нельзя будет говорить как о лице. А. А. Ухтомский дает замечательное пояснение: «Представление мое о моем собеседнике — это гипотетический проект человеческого лица, составленный мною по интерполированным данным опыта и ради практической потребности войти в соприкосновение с данным лицом, жить с ним, делать с ним общее дело. Евангельский совет “не судить”, т. е. не осуждать собеседника, грозящий тем, что тут ты сам судишь и осуждаешь себя, говорит: когда интерполируешь лицо ближнего и собеседника в другую сторону, заканчивая образ его в отрицательную сторону, тем самым предпрещаешь для самого себя возможность совместного дела с данным человеком, и притом на основании твоих собственных отрицательных черт, которыми ты интерполировал своего собеседника! Собеседник твой таков для тебя, каким ты его заслужил! Тем, что не заканчиваешь его образ и не произносишь над ним окончательного суда, открываешь себе возможность его идеализировать, любить, проектировать и осуществлять вместе с ним новую лучшую жизнь!»⁴⁸ Доминанта на лицо другого, ближних, прежде всего друзей активна: «мое дело *сочувствие, любовь и развитие воли — всегда им помочь. Но мои отношения к ним отнюдь не должны включать в себя хотя бы тень личного экстенсивного искания, или побуждения*»⁴⁹.

Доминанта на лицо другого человека несколько отличается от того, что пишут некоторые наши специалисты по *социальной перцепции*, интересующиеся деталями туалета, например, пуговицей на

⁴⁷ Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 312.

⁴⁸ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1920–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 128.

⁴⁹ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 70.

сорочке. Другие вступают в спор с М. М. Бахтиным, утверждавшим недопустимость «овнешняющего заочного определения личности». В отличие от них А. А. Ухтомский убежден в недопустимости даже очного «окончательного суда», о чем следовало бы задуматься без меры расплодившимся диагностам и тестологам личности.

Для А. А. Ухтомского «каждый человек, индивидуально существующий перед нами, *есть новый, вполне исключительный случай!* Никем он не может быть заменен, он совершенно единственное “лицо”. Тут приходится внести в опыт новую категорию мысли — уже не предмета, не вещи, а лица... Тут и встает впервые во всем своем своеобразии проблема Собеседника и Друга. Сумей построить и заслужить себе собеседника, какого ты хотел бы! Это недостижимо никакими абстракциями!»⁵⁰ Человеческому лицу и внутреннему человеку, его неповторимости, неценности А. А. Ухтомский посвятил многие патетические страницы: «с переходом в новую несравненную, еще более конкретную область опыта, где учитывается сам человек и его лицо, — придется заранее ожидать совсем новых законов и зависимостей, к которым мы не подготовлены и которые надо будет брать непредвзятыми, чистыми от привычек и предупреждений руками! Старые, привычные, казавшиеся универсальными законы войдут потом в эти новые законы как частность и провинциализм»⁵¹. Например, все усредняющий, «поганый “закон Вебера–Фехнера” делает то, что Бетховен более не будит человека в спящем животном»⁵².

Лицо человеческое — это новая грань, которую добавляет А. А. Ухтомский к обсуждению проблемы взаимоотношения понятий «я», «субъект», «личность», «вещь», «предмет», затрагивавшейся П. А. Флоренским, Г. Г. Шпетом, М. М. Бахтиным, А. Ф. Loseвым⁵³. Несмотря на вполне определенную и убедительную аргументацию того, что подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в нее (М. М. Бахтин), в нашей психологии снова и снова воспроизводятся идеи о «внешнем бытии» личности, о том, что личность — это система, т. е. механизм, или его таинственное «системное качество». Главное состоит в том, чтобы уберечь в психологии личности так называемый принцип детерминизма. А. А. Ухтомский высказался на этот счет вполне

⁵⁰ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1920–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 145–146.

⁵¹ Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник. Письма к Е. А. Бронштейн-Шур // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 270.

⁵² Там же. С. 273.

⁵³ См.: Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М., 2000.

категорично: «Устройство жизни по принципу механизма — это и есть рабовладельчество. Но никогда не удавалось превратить человека в механизм безраздельно и в этом сказывалось вечно уходящее вперед и вечно ищущее новых путей существо человека!»⁵⁴

Свобода — труд преодоления. А. А. Ухтомский подчеркивал высказывания святителя Тихона о том, что Вселенная управляется, в сущности, Свободой. А. А. Ухтомский распространял это и на человека, воспитывающего себя «через образование привычек и их организацию. Это и значит, что “материя дана для упражнения свободы”! Через темную привычку, через инерцию старайся подняться к лучшему»⁵⁵, заключал А. А. Ухтомский. Норма для А. А. Ухтомского представлена в живом собеседовании, в котором открыты уши каждого для всех прочих и в котором строится история.

Постоянный мотив А. А. Ухтомского — мотив преодоления принуждения, вынужденности, даже дрессуры; подробные акты он противопоставлял «естественному» (в кавычках), инстинктивному ходу событий в развитии человека. Под *естественным* (без кавычек) он понимал не фактическое, но *нормальное*. Норма же для него — не в налично сложившемся, не в статистическом среднем, но в достижениях, в *требующихся перспективах*. Это есть характеристика «зоны ближайшего развития», для которой он намечал свои ступени личностного развития: «Так последовательно переходим со ступени на ступень от этики гедонизма к этике медицинской, а от нее к этике долга и, наконец, милости»⁵⁶. В последней ступени слышится пушкинская «милость к падшим». Под медицинской этикой, видимо, нужно понимать этику заботы о другом, о ближнем. Этика долга отличается от того, что и «как скажет моя душа». Значит, мы можем заключить, что А. А. Ухтомский задавал культурные нормы (ступени), но при этом понимал происходящее не только как норму обучения и развития, о которой так хлопочут (к сожалению, уже не только лицом) «стандартизаторы образования». Он рассматривал само развитие как норму. Норма — это культурная деятельность. При этом активность, деятельность имеют два вектора: один направлен вовне, т. е. на культурное задание, другой — вовнутрь, т. е. на себя грешного, на овладение собой: «Единство внимания и единство духа — единство и крепкая устойчивость личности в противо-

⁵⁴ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 217.

⁵⁵ Ухтомский А. А. Из писем Н. Н. Малышеву // Ухтомский А. А. Интуиция со- вести. СПб., 1996. С. 496.

⁵⁶ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 228.

положность многообразному распаду личности, психическому калейдоскопу большого и грешного внимания. Это не постоянно-данное, но становящееся, делающееся единство, — единство деятельного внимания, переносимого сосредоточенно на приходящее лицо, или вновь встреченный предмет так, чтобы читать его и заданную в нем его судьбу с возможной адекватностью»⁵⁷. Если необходимы ассоциации с нашими психологическими делами, то они очевидны. «Естественное» в кавычках у А. А. Ухтомского, т. е. фактическое, — это *натуральное* у Л. С. Выготского. Естественное, нормальное у А. А. Ухтомского — это культурное у Л. С. Выготского. Переход фактического, натурального в нормальное и культурное — это осознание и овладение у Л. С. Выготского и деятельность у А. Н. Леонтьева. А. А. Ухтомский, анализируя анатомический аппарат произвольных движений, который обладает десятками степеней свободы, пришел к заключению, что ни костно-мышечный аппарат в целом, ни какая-либо часть его не составляют готового механизма для выполнения таких движений. Такой механизм (функциональный орган) строится каждый раз заново путем ограничения и *преодоления* избыточных степеней свободы кинематических цепей человеческого тела. Мы видим, что и здесь А. А. Ухтомский шел сверху: от культуры духа, культуры личности. Эти идеи впоследствии легли в основание теорий построения движений Н. А. Бернштейна и развития произвольных движений А. В. Запорожца. Последний пришел к установкам личности снизу — от изучения движений.

Собеседование — общение. Размышления А. А. Ухтомского о роли *собеседования* в развитии человека ничуть не менее значимы, чем размышления М. Бубера о «я — ты» или размышления М. М. Бахтина о диалогизме сознания. Нормой в собеседовании также является преодоление: «собеседование, эмпирически данное и постоянно нас сопровождающее, еще не есть собеседование в подлинном смысле слова и в подлинном понимании каждым другого! Эмпирическое собеседование может быть сопряжено с солипсизмом. Настоящее собеседование есть дело трудного достижения, когда самоутверждение перестает стоять заслонкою между людьми»⁵⁸. Такой заслонкой «*между собеседником и им самим становится свое самоутверждение, свое успокоение, свое успокоительное миротолкование, своя персона и своя подушка успокоения под голову*»⁵⁹. Можно условно назвать достигаемую норму собеседования культурной, отличной от

⁵⁷ Там же. С. 228–229.

⁵⁸ Там же. С. 229.

⁵⁹ Там же. С. 228.

«естественного», эмпирического собеседования. Можно назвать его и живым собеседованием. Это главный императив психологии общения, если таковая хочет быть живой и культурной. Пока же психология общения в изучении своего предмета не поднималась выше эмпирического уровня. Психологи не раз пытались поднять общение на недостижимую высоту, называя общение деятельностью, в том числе и ведущей. При этом оказывалось, что в анализе и общении, и деятельности психология не поднималась выше эмпирического обобщения и не достигала уровня теоретического обобщения в смысле В. В. Давыдова. Иначе говоря, общение не было построено как предмет психологического исследования. Оно выступало в основном в своей социальной функции, рассматривалось как средство социализации. Спора нет: оно таковым и является. Оно может быть и средством внушения, орудием тоталитаризма, механизмом управления толпой. Но общение — не в меньшей степени средство индивидуализации: «Это сосредоточенное собеседование со встречным лицом и лицами, когда они читаются до глубины и потому получают ответы на свои дела, которые для них самих еще не понятны, а только носят в досознательном и готовятся открыться»⁶⁰.

Слиянное общение, совокупная деятельность ребенка и взрослого (она же предметная, она же коммуникативная) действительно представляет собой генетически исходную единицу психики, клеточку развития. Эту идею, вполне отчетливо сформулированную, я слышал от ученика А. А. Ухтомского Д. Б. Эльконина. Но полноценной такая деятельность может быть лишь на полюсе взрослого. На полюсе ребенка она пока еще протодеятельность, активность, например, не предметная, а манипулятивная. То же и с общением: не общение, не коммуникация, не собеседование, а их протоформы, или начальные формы, к числу которых относятся команды, управление взрослым со стороны ребенка, капризы и другие богатые формы экспрессии⁶¹. Необходимо еще проследить драму превращений протоформы совокупной деятельности в полноценные формы индивидуальной деятельности, которая вовсе не обязательно случается. Есть люди, у которых указующий перст является не только первой, но и единственной формой общения.

Понимание. Доминанта на лицо другого, живое собеседование предполагает понимание. Мало сказать, что эрудиция и понимание А. А. Ухтомского, казалось бы, безграничны, и они у него со-

⁶⁰ Там же. С. 229.

⁶¹ Зинченко В. П., Мецераков Б. Г. Совокупная деятельность как исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2.

впадают, что бывает далеко не всегда. Среди эрудитов встречаются всё знающие и мало понимающие. А. А. Ухтомский, пользуясь выражением О. Манделъштама, был человеком всепонимания. Я рисковую использовать для характеристики А. А. Ухтомского именно этот термин, хотя он считал *иллюзией всепонимания*, в том числе и друг друга, одним из самых вредных настроений человека. А. А. Ухтомский замечательно иллюстрирует такой вред: «Работники по условным рефлексам переживали это внутреннее убеждение, что они до тонкости понимают те силы, которые управляют текущим внутренним миром человека и мотивами его поведения. Не понимая хорошенько своих ближайших опытов на собаках, они храбро перерабатывали свои умозаключения на внутренний мир человека. И это делало их *невеждами по преимуществу*»⁶². К сожалению, и сегодня не редкость подобная храбрая невежественность при описании и объяснении естественно-научных основ психической жизни.

Всепонимание А. А. Ухтомского совершенно другого рода. Оно неизменно давало ему сократовское ощущение недостатка осведомленности, знания, вызывало внутреннее беспокойство и напряжение, придавало силы его исканиям. Понимание у А. А. Ухтомского соседствует с любовью. Последняя выступает у него как метод, прием искания истины, не только предчувствие, но и предположение: «мир есть не предмет, не вещь, не “механизм” и не толчея *regretuum mobile*, но текущий процесс, и процесс трагический по своему содержанию! Об этом знает всякий, кто знает жизнь достаточно полно, и у кого было что любить и понимать»⁶³. Такое *любовное понимание* близко к тому, что Г. Г. Шпет называл *симпатическим* (ср. А. С. Пушкин: *симпатическое волнение*), а М. М. Бахтин — *сочувственным пониманием*. Позднее С. В. Мейнен сформулировал своего рода методологический *принцип сочувствия* в науке. А. А. Ухтомскому по душе был «принцип унаследования», которому он неуклонно следовал как в изучении физиологических событий, так и в науке. Иллюстрацией второго может быть его отношение к деятельности и к научным трудам И. Ф. Циона, И. М. Сеченова, Н. Е. Введенского, Ч. Шеррингтона, И. П. Павлова, К. М. Быкова. Он жил в культурной научной традиции, стремился к пониманию и согласию, но не к соглашательству, и не поддавался входившей в моду советской манере начинать науку с себя, собой же ее и за-

⁶² Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 230–231.

⁶³ Ухтомский А. А. Из писем Н. Н. Малышеву // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 497.

канчивать: «Опять и опять змея хватает зубами свой собственный хвост! Там, где думали “сказать последнее слово”, начинают с белого бычка!»⁶⁴ Частенько в России бывало и такое: науку приканчивали те, кто ее не зачинал. Так случилось, например, с психоанализом, психотехникой, педологией, генетикой, кибернетикой. Чудом выжила психология. А. А. Ухтомский хотел бы, чтобы наука была царством терпимости, а не хозяйством авторитетов.

Всепонимание А. А. Ухтомского не было благодушным, часто оно было весьма суровым, даже беспощадным. Приведу из его трудов несколько примеров, не нуждающихся в комментариях: «ленинизм до иступления»; «диалектическое свинство»; «олигархический социализм»; «Храни Господь нас от поповства и загребуших рук его!»; «мертвенность (с одной стороны) и безалаберщина (с другой стороны) в среде университетских»; «тупая и слепая злоба мещанского мирозерцания»; «самодержавие поповства»; «поучающая церковь»; «Русь перестала быть Святою, она покрыта нечистотою с головы до ног, она стала блудницей, вся бесновата, опозорена, искажена...»; «одна из очень больших бед нашего времени состоит в том, что дураки научились теперь говорить, как умные люди»; «С Ивана III на Москве уже вошло в “норму”, что правитель есть тот, кому закон не писан! Начал же этому еще при Симеоне Гордом и при Калите!»; «Безумие абсолютного самодовольства, когда всех хотят сделать такими же, каковы сами. «Обойти море и землю, чтобы хоть одного сделать еще хуже себя самого!»; «“Воспитание народа” — это типичная и, можно сказать роковая претензия индивидуализма и интеллигенции... Никого не коробит претензия шизотимиков и циклотимиков “воспитывать народ”». К этому можно добавить и претензию на формирование личности. Следует помнить, что народ и сам обладает недюжинной воспитательной силой. Например, приезжающие в Россию гастарбайтеры довольно быстро привыкают к алкоголю, а приезжающие менеджеры и чиновники — к взяткам. В то же время, наши эмигранты столь же быстро расстаются с этими «народными» привычками.

Пожалуй, довольно. Все это звучит не только современно, но и своевременно, что, возможно, свидетельствует не столько о прозорливости А. А. Ухтомского, сколько о том, что Россия пребывает в «хронологической провинции» и не замечает, «какое тысячелетие на дворе». Протест глубоко верующего А. А. Ухтомского против «самодержавия поповства» и «поучающей церкви» подобен утверждению А. А. Ахматовой: «Христианство на Руси еще не проповедано».

⁶⁴ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 233.

В приведенных безжалостных оценках нет презрения, есть констатация, скорбь, боль, сочувствие. Да и констатация, скорее, вынужденная, безрадостная, что вполне естественно. Ведь А. А. Ухтомский был истинным патриотом. «Я считаю, — писал он — что целиком и безраздельно принадлежу родине и родному народу и никому более, — им принадлежат мои помышления и душевные болезни. С мыслями о них я переходил из Корпуса в Духовную академию и с мыслями о них ушел из среды духовных к свободной, т. е. общенародной, науке. Значит, для меня и не может быть какого-либо выбора; “или с родиной-народом, или как-нибудь иначе”. Я живу и, Господь даст, буду жить только с родиной-народом и никак иначе. И это не “умствование” с моей стороны, что сейчас говорю Вам об этом, а то, что есть»⁶⁵. А. А. Ухтомский больше радовался победам русского слова, чем русского оружия. Он намечал далекие, все еще утопические перспективы *исторической совести* — самоликвидация военщины. Пока же представление об исторической совести незнакомо не только политикам, но и многим ученым.

Сознание и самосознание. Обратимся к следующему кругу свойств личности ученого. Условно их можно назвать *сознанием*, доминантой на самого себя, вниманием к самому себе, самосознанием, самооценкой: «Достаточно пронизательная бдительность внимания и чтения себя самого — это редкое состояние человека. Обычно царит “досознательное”... Собственно “сознательная” и самоуправляющаяся личность есть редкое и очень трудно достигаемое состояние. Можно сказать, то господствует подлинно поддерживаемый дурман от страстей в ветхом Адаме.<...> Поэтому Н. Е. Введенский был прав, когда говорил, что подлинно сознательная, самопонимающая деятельность есть редкое состояние в человеке, — отдельные острова посреди преобладающего моря стихийного волнующегося психофизиологического ширения»⁶⁶.

Подлинно сознательная самопонимающая деятельность есть редкость, ее нельзя назвать данностью или даже заданностью, так как далеко не каждому по плечу такое задание. Физиологи Н. Е. Введенский и А. А. Ухтомский лучше психологов понимали исключительность так называемого единства сознания и деятельности. Нам мало было идеологемы о вторичности сознания, его нужно было вовсе растворить в деятельности. Такое состояние, включающее сознание

⁶⁵ Ухтомский А. А. День ожидаемого огня. Письма к В. А. Платоновой // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 72–73.

⁶⁶ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 255.

«второй свежести», могло уже совершенно безвредно для идеологии служить одним из главных методологических принципов психологии. Разумеется, соотношения сознания и деятельности в жизни человека могут быть весьма различными. Есть ситуации, в которых резкое превалирование сознания оказывается тормозом деятельности, даже вызывает страх, ужас. В таких случаях человек гонит свое сознание от себя, закрывается от него деятельностью. Не это ли произошло с советской психологией, сконцентрировавшей свои усилия на изучении деятельности? Сознание в ней присутствовало лишь номинально или пребывало в такой относительно безопасной нише, как исторические корни возникновения сознания и развитие сознания в онтогенезе. И в том, и в другом случаях мы имели дело с протосознанием. А. А. Ухтомский не бежал от своего сознания, но изливал его в доверительной переписке и в записях для себя. И не только: сознание было для А. А. Ухтомского инструментом духовного роста и личностного развития. Он писал, что доминанты могут продолжать свое влияние на психику и жизнь и тогда, когда они спустились ниже порога сознания. Они могут становиться патогенными комплексами, внутренними врагами. А. А. Ухтомский достаточно равнодушно упомянул психоаналитический прием преодоления этого, поскольку сам он предпочитал молитвенное сосредоточение внимания, молитвенное чтение своей души: «Рассматривая себя в зеркале, переводя тайных внутренних врагов своих в свет сознания; вплетай в его оздоравливающую, регенерирующую ткань!»⁶⁷ Много позже Н. А. Бернштейн писал о биодинамической ткани движений и действий, А. Н. Леонтьев — о чувственной ткани образа, В. П. Зинченко — о том, что переплетение биодинамической и чувственной ткани составляют онтологический слой сознания. Однако я не припомню автора, который бы так точно и красиво определил психологическую и жизненную функцию сознания, хотя, конечно, сюжет «осознание — овладение» в психологии не новость. Это сюжет и Л. С. Выготского. Посмотрим на его развитие А. А. Ухтомским: «Молитвенная дисциплина есть по преимуществу дисциплина всеобъемлющего внимания, освещающего все уголки и тайны подсознательного, соединяющая и собирающая личность в одно деятельное целое, скрепленное притом могучею эмоцией — эмоцией любви ко всякому Бытию!»⁶⁸ Эмоция, согласно А. А. Ухтомскому выполняет роль *махового колеса*. Она укрепляет центральную нервную систему

⁶⁷ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1920–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 138.

⁶⁸ Там же. С. 138.

на одном определенном устремлении, не дает ей подчиняться случайным побочным импульсам и направляет ее на определенные достижения. Значит, эмоция — ядро личности, особый функциональный орган индивида; это вывод, к которому в последствии пришел А. В. Запорожец. Очень многие мысли, высказанные А. А. Ухтомским при «чтении своей души», просятся в учебники психологии.

Личность. Как мы видели выше, деятельность и сознание А. А. Ухтомский связывает с личностью. Личность — это состояние; забегая вперед, можно назвать ее функциональным органом. Приведенное выше разъяснение Н. Е. Введенского говорит о том, что личность как труднодостижимое состояние (второе рождение?!) может быть преходящим. Личность — не диплом, не сертификат, она может потерять лицо. Поэтому А. А. Ухтомский писал: чтобы стать лучше, надо становиться лучше! «Человеком нельзя быть, им можно лишь делаться. И это дело не статических свойств интеллектуального аппарата, но динамики достижений, т. е. аппарата стремлений, изволения, морального определения и достижения!»⁶⁹ Личность — это не только состояние организма, но и состояние духа, «человек собранный». Если согласиться с тем, что я вычитываю из А. А. Ухтомского (или вчитываю в него?), то он действительно сделал шаг от функционального органа к духовному организму, который не так-то просто разобрать на отдельные субъектные функции, не разрушив целого, не обезличив, не деперсонифицировав его.

А. А. Ухтомский с большим подозрением, а то и с презрением относился к тому, что в педагогике и психологии стало схематизмом сознания, именуемым «формирование личности»: «*Нравственная личность* не есть то, что должна *сделать* этика, а то, что она должна *изучить*; для этики это не ожидаемая впереди конструкция, а отправной *факт* опыта... Совершенно освободившийся от предвзятых теорий естественнонаучный ум обратился к исследованию *теплого, живого и конкретного нравственного факта* именно, прежде всего в тот момент, когда им *незаметно достигаются жизненные результаты*, т. е. пока он не вступил в пределы “социальных” абстракций»⁷⁰. Справедливости ради нужно сказать, что в отечественной психологии о формировании личности, о формировании нового человека больше всего говорили личности весьма и весьма сомнительные. Многие из них с легкостью забыли о «социальных» абстракциях и

⁶⁹ Ухтомский А. А. Из писем Н. Н. Малышеву // Ухтомский А. А. Интуиция — осязание. СПб., 1996. С. 492.

⁷⁰ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 86.

кинулись в примитивное имиджмейкерство, в восточную эзотерику. Разумеется, было немало психологов, например, И. А. Соколянский, А. И. Мещеряков, Л. И. Божович, А. В. Запорожец, М. И. Лисина, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов, Д. Б. Эльконин и их последователей, изучавших «теплые, живые и конкретные нравственные факты».

И все же приведу оптимистическое утверждение, скорее, аванс, выданный А. А. Ухтомским нашей науке: «Весь особый характер современной психологии, возвышающий ее над старой, — в том, что волевая сторона и вера уясняется ею таким уходящим вперед фактом, как окружающая действительность представляется уходящей все вперед от теоретических толкований»⁷¹.

Возвращаясь к личности, повторю уже звучавший выше мотив. «*Материя* это и есть тот *носитель сопротивления* нашему вожделению, от соприкосновения с которым рождается истина. Можно сказать: что было бы, если бы не было сопротивления! Куда занесло бы тогда человека и его попытки неудержимого прожектерства! Если бы не зависящее от нас благодетельное сопротивление, что бы мы успели уже надумать в нашем детском устремлении все ломать и переделывать по-своему?!»

Итак, все вновь и вновь, все с разной стороны начинаем мы понимать, что сопротивление материи, ее непроницаемость, ее упорство, инертность и инерция — даны нам “для упражнения свободы”! Из столкновения с нею мы приходим к закону. Пока свобода не воспитана, пока она представляется “дичком”, как гибельна она оказывалась бы в своих вожделениях!»⁷². И в то же время А. А. Ухтомский пишет, что никогда элемент человеческой воли и свободы — элемент веры — не будет исключен из его истины.

Упражнение свободы есть преодоление материи, преодоление себя, претерпевание, страдание, а по сути — преодоление «несотворенной добытийственной свободы» (термин Н. А. Бердяева) и достижение собственной, самим сотворенной свободы, преодоление избыточности степеней свободы кинематических цепей человеческого тела при построении движений, преодоление избыточности степеней свободы образа по отношению к оригиналу, преодоление избыточности языка при порождении речевого высказывания, преодоление избыточности внимания при его концентрации, преодоление избыточности вариантов (гипотез) при принятии решений и т. д. без конца. Видимо, это общий закон психического развития. Он

⁷¹ Там же. С. 83.

⁷² Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 212.

распространяется и на развитие личности, которая по мере своего становления преодолевает избыток собственной индивидуальности, укрощает ее. Парадокс состоит в том, что личность, преодолевая избыток индивидуальности, создает новый избыток по отношению к ней. Ибо «обнуление» степеней свободы есть смерть. Для укрощения вновь созданного избытка личность зовет на помощь сознание и совесть. А. А. Ухтомский отчетливо понимал разницу между личностью и индивидуальностью. Стремясь к деятельному единству своей личности, он преодолевал духовную болезнь самоуверенности, зло самоудовлетворения, ядовитую сторону самоутверждения, старался достичь *святого недоверия себе*, вернуть свое греховное Я, укрепившуюся самость и тяжелое тело на место слуги и орудия духа... Самоуверенности он противопоставил скромность, а истину видел в кротости: «Истина, — а это понятие прежде всего нравственного порядка, — открывающаяся человеку до всякой науки и, зачастую, не внушаемая и многими годами научной работы, — в кротости»⁷³. Далее звучит откровенная издевка над коллегами: «“Чем вы теперь занимаетесь”? — спросили бы меня товарищи по мысли. “Занимаюсь, вникаю в философию этих самонадеянных людей естественной науки”, — ответил бы я»⁷⁴. Замечу, что при всей своей скромности и кротости А. А. Ухтомский отчетливо осознавал свою особость и отличие от “людей естественной науки”. Он страдал от одиночества и ценил его. Гордыня, зависть ему были совершенно чужды.

Судьба не баловала этого замечательного человека. Его труды умудрилась не заметить школа И. П. Павлова, хотя именно А. А. Ухтомскому принадлежит наиболее пронзительное слово о великом ученом, зато заметил Ч. Шеррингтон, что было А. А. Ухтомскому очень приятно. Психологи значительно выше оценили труды ученого, но он об этом не узнал. Не узнал он и о том, что в гуманитарной науке его имя прославил М. М. Бахтин, заимствовавший и развивший понятие «хронотоп». Это понятие заимствовал (без ссылки) и неверно истолковал В. И. Вернадский. Социальная ситуация развития науки в стране была труднопереносимой. Но А. А. Ухтомский относился к этому философски. В 1938 году он не без горечи написал: «Была высказана претензия: “Не допускать больше великих ученых!” Это — претензия такая же древняя и типичная, как и попытка Ареопага корригировать Сократа! Как только начала помнить себя наука, началась и эта претензия.

⁷³ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 77.

⁷⁴ Там же. С. 77.

Но ведь и «сие от нас не зависит»! Тут — нечто, выходящее уже из границ нашей нормальной компетенции, — *независящее* обстоятельство из спасательных для человечества вопреки его вожделениям самоутверждения!»⁷⁵.

И все же свое счастье А. А. Ухтомский видел в *научной продуктивности*: «Вне его мне ничего не надо в жизни. (Конечно — нравственное спокойствие духа; но именно — насколько оно условливает свободную работу мысли)». Не нужно думать, что это легкая ноша. «Я мучаюсь тем, что моя жизнь, и именно даже умственная жизнь, представляется для меня *более биографическим, чем логико-систематическим*»⁷⁶. На языке методологии науки это означает, что А. А. Ухтомский не просто обладал живым, личностным знанием, но и порождает таковое. Условием научной плодотворности он считал не только умственный труд, но также труд и пот при работе над сердцем своим: «наука не может пойти плодотворно, пока внутренняя горница человека не вычищена»⁷⁷.

Остается только позавидовать А. А. Ухтомскому. Сегодня по отношению к внутреннему миру психологов язык не повернется произнести замечательное слово «горница». В лучшем случае — «полуподвал». Внутренняя горница — не только ум. Необходимо «очищение помыслов». А. А. Ухтомский спрашивает своего адресата, «можно ли сказать, что сердце усваивает правду. Не будет ли это подобная же односторонность, как если бы мы сказали: уму открывается истина? Истина открывается деятельному духу, насколько он очищает свое сердце, а затем ум, т. е. воле, сердцу и уму вместе»⁷⁸. Значит, истина открывается деятельному духу, опирающемуся (?), ориентирующемуся (?) на душу со всеми ее атрибутами. Напомню еще раз: эти слова принадлежат физиологу, которому не то что в принципе — в кошмарном сне не могла бы прийти идея искать в мозгу нейроны сознания или что-нибудь подобное.

Гипотеза о происхождении учения А. А. Ухтомского о доминанте. А. А. Ухтомский отчетливо представлял себе масштабность диапазона возможных применений общего пути и необозримость последовательно осуществляющихся на этом пути виртуальных функциональных органов. Возможно поэтому он не спешил компоновать

⁷⁵ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1930–1940 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 230.

⁷⁶ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 64.

⁷⁷ Ухтомский А. А. День ожидаемого огня. Письма к В. А. Платоновой // Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб., 1996. С. 50.

⁷⁸ Там же.

существующих виртуально «динамических подвижных деятелей», имеющих отчетливые измеримые характеристики в виде сил, а также их физиологические проекции или корреляты, в искомый образ духа, в духовный организм, а обозначал их всего лишь как симптомокомплекс. (Я вовсе не хочу принизить значения последнего понятия: пусть бы и в симптомокомплекс тоже.) Ведь от функционального органа до духовного организма меньше шага. Тем более что замысел был сформулирован как жизненный и не мог быть забыт. Казалось бы, от виртуальных механизмов, от функциональных органов индивида логично перейти к духовному организму, во всяком случае, признать их его возможным основанием. И такой намек, действительно, был сделан. В 1923 году А. А. Ухтомский в контексте рассказа о доминанте писал о высшей психической жизни, о душевной работе, в частности, о том, что яркая и живая доминанта в душе держит в своей власти все поле душевной жизни⁷⁹. Как раз в это время психология в очередной раз потеряла душу. И хотя науки о жизни, о поведении, психология, философия, искусство были постоянными спутниками А. А. Ухтомского, прямого упоминания об анатомии и физиологии человеческого духа в опубликованных при жизни работах ученого не встречается. Почему?

Возможный ответ на этот вопрос состоит в том, что замысел А. А. Ухтомского имел своим источником несомненно хорошо знакомую ему, благодаря богословскому образованию, традицию православной патристики. Кроме того, по-видимому, здесь могли сказаться очевидно известные Ухтомскому традиции исихастских практик, которые С. С. Хоружий реконструирует как «исихастскую антропологию». В ней особенно детально прорабатывается своего рода энергийная проекция человеческого существа и намечается интереснейший концептуальный аппарат для ее описания. Сюда входят понятия свободы, динамических и этических установок, телесной, душевной и умственной доминант, их упорядоченного энергийного единства и др. С. С. Хоружий следующим образом суммирует представление о человеке, развитое в традиции исихазма: «Итак, энергия — первый импульс и актуальный почин движения; и тварь всегда обладает целым множеством разнородных и разнонаправленных энергий. Следует различать энергии телесные и душевные. Анализ сознания приводит к дальнейшим подразделениям; выделяются также различные виды душевных энергий. Уже у Григория Нисского, а затем у Евгария возникает трехчастное деле-

⁷⁹ Ухтомский А. А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 17.

ние души, на части мыслительную, (по) желательную и раздражительную (она же яростная, включающая эмоции); отсюда, можно говорить и о соответствующих видах энергий...

Все в целом множество энергий человека, непрерывно меняющееся образует своего рода энергийную проекцию человеческого существа. Человек — (само) деятельный центр, энергии — разнонаправленные, разнородные, а также взаимосвязанные, взаимодействующие выступления, “ростки деятельностей” этого центра, в совокупности образующие подвижную систему, меняющуюся конфигурацию — проекцию человека в план энергии, которую естественно назвать *энергийным образом* человека...

Можно выделить различные типы энергийных образов. Любая цель человека предполагает, вообще говоря, комплексную деятельность, включающую ряд различных энергий. Поэтому обычно энергии объединяются в группы, собранные вокруг некоторой центральной энергии, которая связана с определенной целью, стремлением. Такую энергию, объединяющую и подчиняющую себе некоторую группу энергий, будем называть *доминантой*. Порождаясь определенными стихиями тварного бытия, энергии — в том числе, доминанты — могут быть телесны, душевны, умственны. Соответственно, можно говорить о таких же типах энергийных образов: если в образе заведомо преобладают доминанты данного типа»⁸⁰.

Сходство с учением о доминанте А. А. Ухтомского, на мой взгляд, поразительно. Каждый может убедиться в этом, прочтя, например, статью А. А. Ухтомского «Доминанта как фактор поведения», где идет речь о телесных, умственных, душевных, личностных, социальных и других видах доминант (установок). Хотя первые факты, давшие основания будущему учению о *доминанте* были обнаружены А. А. Ухтомским в эксперименте еще в 1904 году, оно получило свое оформление и развитие только в 1920-е годы. Совершенно ясно, что в условиях уже возникшего в то время советского «идеологического общежития» автор не мог сослаться на существующую в XIV веке религиозную практику. Косвенным подтверждением этого были звучавшие в середине 1920-х годов упреки в адрес А. А. Ухтомского по поводу того, что теория доминанты — это, скорее, богословская, а не физиологическая теория. Возможно, поэтому А. А. Ухтомский, делая в 1927 году доклад о доминанте, видимо, лукавил, говоря, что он заимствовал термин «доминанта» из книги Р. Авенариуса «Критика чистого опыта». (Такое лукавство

⁸⁰ Хоружий С. С. Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995. С. 54–55.

вполне объяснимо. Ведь Ухтомский имел не только предосудительное богословское образование, но был к тому же князем и старообрядцем.) Правда, он подробно оговаривает, что заимствовал лишь термин, а сходство между явлениями, которые он обозначает, у Авенариуса и у него самого, весьма поверхностное.

Я изложил свою версию возможных истоков учения А. А. Ухтомского о доминанте и — шире — функциональных органов, поскольку оно сыграло большую роль в дальнейшем развитии отечественной физиологии и психологии.

Стиль научной деятельности. Нельзя не сказать о стиле научной деятельности и письма А. А. Ухтомского. М. М. Бахтин когда-то сказал, что индивидуальность — это свое слово в культуре. В этом смысле А. А. Ухтомский был глубоко индивидуален. Выражаясь его словами, он обладал своим особым стилем восприятия и понимания вещей, имел свой стиль экспериментальной работы, теоретического увязывания фактов и их интерпретации. Его теоретический подход имеет свою «манеру красоты». Он не принимал теоретиков, «оглушенных своей теорией», не считал теорию «подушкой для успокоения». «Фокусам теории» он противопоставлял действие. Характеризуя умственный склад своего учителя Н. Е. Введенского, он писал, что ему чуждо абстрактное математическое мышление. Как Фарадей, Введенский предпочитал мыслить конкретными образами, картинками⁸¹. А. А. Ухтомский подчеркивал относительность и подвижность исходных понятий и образов и способность их к переинтеграции по мере роста знания. Даже «истины», которым мы преданы он считал *интегральными образами*. А. А. Ухтомский стремился «понять связь явлений в них самих, без дополнительных гипотез» и всегда был «готов учиться у природы». Его труды дают богатую пищу для историков и методологов науки.

А. А. Ухтомский как-то заметил, что теории имеют свой фатум. Фатум его теории состоит в том, что она многие десятилетия, скажу мягко, признавалась существующей, но это признание было каким-то формальным. Понималась и развивалась она весьма узким кругом его единомышленников, да и то не по всему фронту. У его современников еще не сложился вкус к междисциплинарным исследованиям, а его учение о доминанте было подлинно междисциплинарным. Он пристально вглядывался в соседние научные области, в том числе и в гуманитарные. У него не вызвало большого удивления знакомство с системным подходом Л. фон Бергаланфи.

⁸¹ Ухтомский А. А. Николай Евгеньевич Введенский и его научное дело. Некролог // Ухтомский А. А. Избранные труды. Л., 1978. С. 307.

Для него было совершенно естественным понимание функционального органа, переименованного позже в функциональную систему, как распределения активности в пространстве и времени. Он подчеркивал динамизм, временность, виртуальность функциональных органов. Когда системный подход вошел в моду, динамизм исчез, а его адепты, за редким исключением, стали претендовать на конечные объяснения слишком многих реальностей, феноменов, превращая их в косные и неизменные системы. Это дало повод М. К. Мамардашвили сказать: там, где система, там смерть. Система, вождельный гомеостаз, единство сознания и деятельности или аффекта и интеллекта — всего лишь моменты в развитии. В психологии поветрие системного подхода превратилось в ветрянку, следы которой еще видны на ее теле.

Не хочется говорить банальности вроде той, что А. А. Ухтомский опередил свое время. Он жил в своем времени. Будут ли такие мужи в XXI веке? Или его захлестнет “искусственная интеллигенция” вкупе с искусственным интеллектом? Я надеюсь, что судьба теории А. А. Ухтомского в XXI веке будет счастливее, чем в веке ушедшем. Чтение его научных трудов и записей, опубликованных его учениками и последователями, способствует возвращению в науку свободного ума и забытого русского языка, осмысленной и одухотворенной речи.

Психология издавна тоскует по собственной онтологии, по механизмам душевной жизни. Наиболее привычный путь их поиска состоит в обращении к физиологии. И действительно, психология извлекла из физиологии множество полезных уроков, которые даже оформлены в специальные области знаний, получившие названия физиологическая психология, психофизиология, нейропсихология и т. д. Пожалуй, главный урок, который извлекла психология из своих контактов с физиологией, состоит в том, что зона поиска онтологии психического должна быть расширена, т. е. вынесена за пределы нервной системы, даже за пределы физического тела человека в сферу его активности, поведения, деятельности, поступков, вынесена в мир. А. А. Ухтомский преподавал психологии замечательные уроки, которые она все еще не усвоила в полной мере. (У меня есть подозрение, что его уроки недостаточно усвоены и физиологией.)

Общепризнанно, что учение великого И. П. Павлова определяло развитие психологии в первую половину XX века. Оно определило ее естественно-научную, материалистическую и детерминистическую парадигму. Сегодня ее объяснительный потенциал, во всяком случае для психологии, исчерпал себя не только с точки зрения культурной философии, но и с точки зрения естествознания. Вторая половина

столетия прошла «без царя в голове», что, может быть, и не так уж плохо. Конечно, весьма значимы фигуры Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, но их влияние, к сожалению, оказалось значительно меньше, чем влияние И. П. Павлова. Мне кажется, что психологию XXI века в большой степени будет определять учение А. А. Ухтомского, на основе которого может быть создана «психологическая физиология» (не надо смешивать с психофизиологией). Ее предсказывали Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. Последний внес в нее значительный вклад. Психологическая физиология — порыв или прорыв к духовности и свободе — теснейшим образом связана с культурно-исторической психологией, которую у нас развивал Л. С. Выготский и его последователи. И для одной и для другой ключевым является понятие «новообразование», порождаемое либо в тех или иных формах активности, предметной деятельности, либо в мышлении и сознании индивида, которые конечно, также активны и предметны. А. А. Ухтомский знал оба способа рождения новой виртуальной реальности и ее воздействия на поведение и деятельность человека. Он писал о новых надстройках над рефлексам и инстинктами, надстройках, которые будут действительно объективными достижениями, способными конкретно предопределять дальнейшее поведение. В. В. Кандинский начал свою книгу «О духовном в искусстве» словами: «Всякое произведение искусства есть дитя своего времени, часто оно и мать наших чувств». В этом же смысл «Психологии искусства» Л. С. Выготского и культурно-исторической психологии. Эти взгляды можно обобщить формулой М. М. Бахтина: «Душа — это дар моего духа другому»⁸². Поучительно совпадение взглядов естествоиспытателя, гуманитария и художника. Это не может быть случайностью.

Заключение. Я пытался представить портрет ученого. Главное в нем — двоякий вектор его взора: вовне и на себя, что, впрочем, в культуре не новость. И все же мы увидели доминанту на лице другого и глаза, обращенные внутрь самого себя, доминанту души на развитие собственного духа и высокую требовательность к себе. Увидели интерес к жизни души и духа и встретились с замечательными описаниями этой жизни, с выпуклым изображением ее отдельных феноменов. В 1899 году А. А. Ухтомский определил задачу своей научной карьеры: выяснить *психологическое существо* «религиозной жизни»⁸³. Удалось ли это А. А. Ухтомскому, не напрасно ли

⁸² Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 2003. С. 201.

⁸³ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1896–1911 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 55.

он пошел в университет, в науку? Реализовал ли он свой дерзкий замысел — познать анатомию и физиологию человеческого духа? Вопрос не случаен, так как внешне А. А. Ухтомский поступил, казалось бы, так же, как и другие психологи: обратился к научной объективности, к физиологии нервной системы. Однако, в отличие от них, он не забыл о душе и духе.

Психологические воззрения А. А. Ухтомского были культурными и историческими, духовными, живыми и конкретными, теоретическими и практическими, холистическими и аналитическими. Рискну сказать, что их характеризовал *духовный академизм*. Поясню, что это значит. Классическая, или академическая психология в своем стремлении к объективности иногда доходила до того, что превращала человека, т. е. духовное существо (это не большой комплимент, чем *Homo sapiens*), во вполне телесный «нервно-мышечный препарат». В этом случае психологическая наука стремилась измерять абсолютные пороги, скорость адаптации, время простой реакции, чистую мнему, максимально изолируя ту или иную психическую функцию от других и от ее жизненного контекста. А. А. Ухтомский, напротив, изучая реальный нервно-мышечный аппарат, не утрачивал *биологической перспективы* и смотрел на живое вещество духовным взором, оком своей души.

В первом случае «психология оплотневала в физиологию» (А. Белый), во втором — физиология одушевлялась, одухотворялась. Приведу запись Ухтомского от 24 ноября 1899 года: «Когда Розен говорил мне: “с физиологией вы все равно до души не доберетесь; займитесь-ка лучше Упанишадами — там больше глубины и ближе душа”, — тут выразилась старая борьба *классицизма* с его надеждами и убеждениями и нашего математического *реализма* с его верой. Я — верующий реалист и решительный антагонист всевозможного классицизма. Пойдем далее, будем мучениками нашей веры, бодро вступим в жизнь *мысли*, тут *созидания еще впереди*»⁸⁴. Впереди оказалось создание «психологической физиологии». Именно так А. Р. Лурия назвал физиологию активности Н. А. Бернштейна и не без оснований считал, что его собственные исследования представляют собой психологическую физиологию и нейропсихологию.

С сожалением приходится констатировать, что ни Н. А. Бернштейн, ни А. Р. Лурия не оценили в должной мере вклад А. А. Ухтомского в становление этих сфер знания. А. Р. Лурия много ссылался на П. К. Анохина, на используемое им понятие «функ-

⁸⁴ Там же. С. 80.

циональной системы», являющееся более поздним и слабым аналогом понятия «функциональный орган», хотя П. К. Анохин в молодые годы работал у А. А. Ухтомского и лишь затем перешел к И. П. Павлову. К сожалению, Н. А. Бернштейн и А. Р. Лурия использовали понятие «функциональный орган» без должных ссылок на А. А. Ухтомского. Более корректно использовали это понятие А. В. Запорожец и А. Н. Леонтьев. Однако во всех случаях это понятие использовалось вне культурно-исторического и духовного контекста, в котором оно возникло у А. А. Ухтомского. Сказанное, конечно, не следует воспринимать как упрек в адрес Н. А. Бернштейна, А. В. Запорожца, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, так как и сам А. А. Ухтомский в советское время вынужден был скрывать этот контекст, а его рукописное наследие открылось лишь несколько лет тому назад. И из него мы узнаём нечто совершенно удивительное. Оказывается, А. А. Ухтомский около 20 лет вынашивал *свое* учение о доминанте. В 1922 году (это год кончины его учителя Н. Е. Введенского) он писал: «Насколько учение о доминанте вытекает из данных Введенского, это можно видеть из того, что я не решался выступать с этим учением при жизни Н.Е.-ча: как только покойный увидел бы, что учение это имеет под собой достаточную почву и солидные факты, а также обширные перспективы, он стал бы настаивать, что оно целиком принадлежит ему, ибо предвидится его фактами и общими точками зрения. Со своей стороны, имея основание считать значительную долю участия в установке этого учения за собою, я оставлял его опубликование и развитие для будущего»⁸⁵.

Но «обширные перспективы» наступившему *на Россию* будущему были не нужны. Более того, прямой разговор о них стал опасен, поэтому в последующие 20 лет жизни в публикуемых научных трудах А. А. Ухтомский старался не выходить за пределы физиологии, хотя это ему не всегда удавалось. Вначале он сам укрощал доминанту души, а потом ее укрощали извне. Мы должны быть признательны А. А. Ухтомскому за то, что ему достало мужества писать в стол и своим адресатам (иногда под чужим именем). Вот такой странный и страшный хронотоп в бытии ученого и его идей можно охарактеризовать словами О. Мандельштама: «вчерашний день еще не родился». Не только моим учителям, но и современным поколениям психологов обширные перспективы учения о доминанте еще не открылись.

⁸⁵ Ухтомский А. А. Из записных книжек. 1820–1929 // Ухтомский А. А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 141.